

Протоиерей Ярослав Шипов

ИЗ ПРИХОДСКОЙ ЖИЗНИ

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва • 2019

УДК 244
ББК 86372
Ш63

Допущено к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р18-815-0571

Шипов Ярослав, прот.
Ш63 Из приходской жизни. — М.: Издательство
Московской Патриархии Русской Православ-
ной Церкви, 2019. — 256 с.

В сборник вошли рассказы протоиерея Ярослава Шипова, члена Союза писателей России, лауреата Патриаршей литературной премии 2017 года, написанные в разные годы о приходской жизни. В основе большинства его историй — личный опыт священника.

© Издательство Московской
Патриархии Русской
Православной Церкви, 2019

ISBN 978-5-88017-731-8

© Шипов Ярослав, прот., 2019

Усадьба

Г. Немченко

Старый приятель попросил освятить две дачи — свою и еще чью-то: не то знакомого, не то родственника — не вспомню. Ну да это совершенно неважно — важно, что находились дачи километрах в двадцати одна от другой, и, переезжая с места на место, мы привернули в Захарово — имение Марии Алексеевны Ганнибал. Близилось двухсотлетие Пушкина, и знакомец мой решил посмотреть, восстанавливается ли усадьба: он был писателем с журналистским прошлым и потому очень многим интересовался.

Среди заваленной снегом поляны высился железобетонный помост — цокольный этаж, по всей видимости. На помосте находилась небольшая группа людей, которые что-то обсуждали, но очень уж невесело, вяло. Приятель мой вылез из машины и пошел к ним,

а я остался: журналистского прошлого у меня не было, а священническое настоящее никак не располагало к праздному любопытству. Помнится, один старый архиерей поучал: «Не бегай за проблемами, не гоняйся: если это твоя проблема, она сама придет к тебе на порог».

Приятель перезнакомился со всеми — а это были архитекторы, выяснил, что у них возникли непреодолимые затруднения, и спрашивает:

— Вы священника не приглашали?

— Где же, — отвечают, — его найти?

А тогда, следует принять во внимание, приходов было совсем немного, и батюшки оставались большой редкостью.

Тут приятель мой вернулся к машине и говорит:

— Надо бы еще освятить закладку дома.

Вот она и пришла, даже и не проблема вовсе, а задача: малая, простая, служебная — теперь решать будем. Вылезаю я из машины: в епитрахили, поручах, с требным чемоданчиком — архитекторы обомлели. Симпатичные люди такие — мужчины с бородками, дамы в шубах. Взобрался я на бетонный цоколь, поздоровался.

— Вы что, — говорят, — специально ради нас сюда и заехали?

— Да кто ж его знает? — говорю.

Смотрю, сложен первый венец — как раз то, что надо для освящения.

— Где восточная сторона? — спрашиваю.

Они указали — а там против середины бруса лежит топор. Тут настал мой черед удивляться — при освящении надо трижды ударить топором по восточному бревну:

— У вас все уже приготовлено...

Они совсем растерялись: позвали рабочих, начали выяснять, с чего вдруг топор обнаружился на этом специальном месте, но бригадир отвечал:

— Да кто ж его знает? Где работал, там и бросил, где бросил, там и лежит.

Приятель тоже был изумлен происходящим. Когда уезжали, он сказал архитекторам:

— Любит вас Господь.

— Пушкина любит, — смиренно возражали они и, обращаясь ко мне: — А вы как думаете?

А я думал, что Господь любит и Пушкина, и архитекторов, и всех нас.

С того дня непреодолимые сложности эту стройку уже не посещали, и дом Марии Алексеевны Ганнибал, в котором прошло детство гения, был восстановлен к назначенным временам.

Заказник

Архиерей вызвал меня и отправил в командировку:

— Там художники — муж и жена, весьма преклонных годов — пожалуй, к восьмидесяти. Они передали нам несколько храмовых икон и вообще — много чего делают для Церкви. Попросились на этюды. У соборного старосты есть дом в деревне — отвезли их туда.

— А я, — говорю, — владыка, каким боком — к живописи?..

— К живописи — никаким. Но у них есть охотничья собака и ружье. А к этому делу вы в недавнем прошлом — всеми боками... Завтра открывается охота. Посмотрите там, чтобы они не заплутали, не перестреляли друг дружку, чтобы их волк или медведь не съел, в общем — чтобы не было недоразумений.

Еще рассказал, что художники эти — реалисты, то есть пишут мир таким, каким его создал Господь Бог, ничего не уродуют, в отличие от всяких абстракционистов, авангардистов и модернистов.

Дал машину. Спрашиваю водителя, куда мы едем. Он говорит, что сначала по трассе, потом направо, там налево по грейдеру, дальше совсем узкий проселок, а всего километров шестьдесят. Но куда именно мы едем, я так и не понял.

Добрались. Деревня — три избы. Избы страшные: в землю вросшие, покосившиеся, крытые не то линолеумом, не то клеенками. Возле одной — живописцы: этюдники в разные стороны — люди работают.

— Щедрый у нас человек соборный староста, — говорю, — этакой роскошью гостей облагодетельствовал.

— А им нравится, — пожал плечами водитель, который уже бывал здесь.

Отставив занятие, они бросились к нам с восторженными восклицаниями: похоже, им действительно нравилось. Тут же откуда-то из-за деревни налетел шальной фокстерьер,

облизал всех и снова улетел за деревню. «И на кого же, — думаю, — они собрались охотиться с норной собакой?» Для такой охоты был совсем не сезон. Сейчас могла бы пригодиться легавая... Оставалось надеяться, что пес хоть как-то знаком с жизнью сеттеров, пойнтеров или курцхааров. А может — спаниелей...

Разгрузили продукты, и машина уехала. Живописцы вернулись к этюдникам, а я пошел размещаться в отдельной избе — похоже, вся деревня принадлежала соборному старосте. Староста этот был из эмвэдэшников, за годы работы в храме воцерковился, но весьма странно... Случалось, разговор коснется каких-то людей, которые, по его правоприменительному разумению, вредны для Отечества, будь то политики, чиновники или рок-музыканты, он и рубит сплеча: «Повесить надо!» Если его одернут, вздохнет: «А что?.. Но, конечно, по-нашему, по-христиански — с любовью».

Отворил я дверь — внутри темно и сыро: темно оттого, что древние стеклышки с годами совсем помутнели, а сыро — от без-

жизненности. По счастью, печка, как мне и обещали, сохранялась в исправном состоянии, и к вечеру избу удалось просушить.

Следующий день начался спокойно: супруги работали, я ходил по грибы. Но после полудня в деревню заглянули двое мужчин: они шли из леса и тоже — с грибами. Познакомились, разговорились: мужчины приехали издалека — из Тюменской области, — чтобы проведать свою сестру. Сестра не так давно вышла замуж за солдатику, который происходил отсюда, переехала к нему, родила сына, а он, праздная это событие, пьянехонький, утонул. Вот они и приехали посмотреть на ее существование, а при необходимости увезти обратно.

Оказалось, что в трех километрах от нас есть небольшое село, и стоит оно на берегу озера, а в том озере уток — тьма!

— Отчего же их не стреляют? — спрашиваю. — Ведь сегодня открылась охота.

— И сами не понимаем, — отвечали тюменские братья. — Оттого, наверное, что в селе мужиков не осталось.

А еще они приглашали воспользоваться дюралевой лодкой:

— Она заметная — оранжевая такая. С веслами и не замкнута: катайтесь сколько хотите.

Вечером провели учебные стрельбы. Правда, сначала старик долго не мог собрать двустволку — забыл, как присоединяется цевье. Ну, с этим вопросом управились. Потом я подбрасывал вверх ржавую сковороду, он стрелял — не попадал, а пес ошалело носился вокруг деревни. Тут вдруг дама потребовала ружье. Мы отговаривали, предупреждали о сильной отдаче, но бесполезно.

— Я ведь раньше стреляла, ты помнишь?

— Голубушка, так ведь когда это было?

— Что ты хочешь этим сказать?

Воткнули в землю кол, к нему приставили все ту же сковороду. Ружье было явно тяжеловато для голубушки, и, прицеливаясь, она отклонилась назад. Только я хотел попросить ее стать правильно, как раздался выстрел, и старушка опрокинулась навзничь. Бросились ее поднимать, а она отмахивается ручонками и бранится:

— Почему не предупредили, что так сильно ударит в плечо?

— Да мы говорили, голубушка...

— Но что именно так сильно — не говорили.

— Непослушная, — ласково сказал старик.

— Зато попала! — радостно воскликнула она, поднимаясь и отряхиваясь.

Действительно так: расстояние было небольшое, и сковороду разнесло в клочья. Заодно и кол перебило.

Рано утром, одевшись по-походному, я вышел на крыльцо. Вскоре показались и живописцы. Супруг был в светлом костюме, перепоясанном патронташем, и в соломенной шляпе, из которой торчало помятое перо ястреба-перепелятника. Вчера вечером я уже видел это перо — его откуда-то притащил фокстерьер. Дама была в длинном розовом платье, тоже — в соломенной шляпке и с белым зонтиком, который в сложенном виде являл собою элегантную трость.

— Мы, знаете ли, решили дачные костюмы надеть, — объяснил старик, — в рабочей одежде неприлично.

Нашему брату времени для изумления не даетсянисколько. Мы так часто сталкиваемся

с чем-то из ряда вон выходящим, что, если каждый раз изумляться, будешь все время ходить с разинутым ртом. А еще ведь и служить надобно — произносить возгласы, проведи...

Мой наряд явно не соответствовал столь диковинным для охоты облачениям: пришлось вернуться и надеть подрясник. Болотные сапоги я снимать не стал.

Шествовали мы не спеша, чинной поступью, а вот фокстерьер то уносился вперед по дороге, то приносился обратно: городской пес просто обезумел от деревенской свободы. Когда подходили к селу, дама взяла его на поводок, чтобы не нанести ущерба местным курам. Тут как раз стало припекать солнышко, она раскрыла над головой зонт, и в таком виде мы вышли на берег озера. Вправо и влево разбегались вдоль берега избы, а прямо перед нами у деревянного пирса стоял военной внешности серый кораблик с надписью: «Охрана природы». Рядом с ним покачивалась на воде оранжевая лодчонка.

Когда мы грузились, на палубу кораблика вышел из рубки человек в форме лесничего.

— Доброго здоровьица! — старик приподнял шляпу.

— И вам... здравствовать, — рассматривая нас, человек отвечал медленно, словно в растерянности.

Пустились мы по волнам: художник в белом костюме, художница под белым зонтиком, я в подряснике и белый пес. Уток на озере было действительно много. Старуха кричала: «Стреляй туда!», старик бил, мазал, пес прыгал в воду, куда-то плавал, ничего не приносил. Наскочили на отмель. Подвязав полы длинной своей одежды, я выбрался из лодки и долго толкал ее. Потом влез обратно. Обогнули маленький остров, и тут я увидел на специальном столбушке железный щит с надписью: «Воспроизводственный участок. Охота запрещена». Получалось, что этот мелководный залив с камышом и прочей травянистой растительностью был местом утиных гнездовий, и никто здесь не охотился, а мы бултыхались на виду у всего села и почем зря бабахали в небо.

Художники так увлеклись пальбой, что ничего не заметили. Тут, к счастью, погода

переменилась: поднялся ветер, начал накрапывать дождь, и мы заспешили к берегу. Я понял, что человек на кораблике охраняет этот участок и что он был совершенно потрясен невиданными нарядами и от растерянности не смог даже остановить нас. А жители села, ошарашенные престранной картиной, смотрели в окна и, кажется, не решались выходить на порог.

Но теперь-то мы нарушители закона, и старик — самый главный, поскольку именно он стрелял... Хорошо еще, что ничего не добыли. Охранник природы наверняка уже вызвал милицию, и у кораблика нас могла ожидать невеселая встреча... Вот уж порадуем архиерея! И нечего винить тюменских братьев: они, думается, были вполне искренни — сами только приехали и про здешние края мало что знали: «...уток — тьма». Между тем дело неожиданно принимало арестантский оборот — оставалось только молиться...

У кораблика нас никто не встретил.

Дождь продолжался, и, когда мы пришли в деревню, белые брюки художника до

колен были вымазаны в грязи. А вот супруга его, у которой в одной руке был зонт, в другой — подол, сумела сохранить длинное платье сухим и чистым.

Ночью дождь превратился в ливень, и шофер, примчавшийся рано утром, заставил нас быстро собраться: мы успели доехать до грейдера, пока проселок не развезло.

Гости были премного довольны. Архиерей поблагодарил меня и сказал:

— Я был совершенно уверен, что под вашим водительством все у них будет в высшей степени благодатно и без каких-либо недоразумений.

С архиереями кто ж спорит? Я и не стал его разубеждать.

Дорожные святцы

На обратном пути привернули в Лавру, и нас встретили так тепло, что пришлось ночевать. Грузовик мы загнали во двор. Сходили к Преподобному, показали водителю храмы, богослужение, и он, почти не выбиравшийся из лесной глуши, был потрясен до

такой степени, что совсем перестал разговаривать.

Уезжали рано, поскольку дорога предстояла долгая, и уезжали с попутчиком: нам посадили старика, который кем-то кому-то приходился, жил при каком-то южном монастыре, а теперь пустился в паломничество, желая лицезреть земли Северной Фиваиды.

— Но мы без остановок, без экскурсий, заезжать никуда не будем — к вечеру надо домой попасть.

— А ему и так хорошо, ему везде свято место.

— Куда, — спрашиваю, — старика потом девать-то?

— Не волнуйтесь: мы договоримся, кто-нибудь его у вас перехватит.

«Ну в крайнем случае, — думаю, — возьму к себе на приход — будет мне какой-никакой помощник».

Залезает он в кабину, а на ногах, смотрю, валеночки...

— Да как же, — интересуюсь, — он летом в валенках ходит — стопчутся ведь?

— А старчик, — говорят, — почти и не ходит — ноги у него сильно болят.

Ладно. Захлопнул дверь.

— Как, — спрашиваю, — зовут?

Он только улыбается. Стало быть, еще и не слышит. Кричу:

— Как вас зовут?

— Отец Симеон... Да, отец Симеон... Семен, короче.

— Так вы монах?

— Монах, монах... Пострижен давно... еще тайно, тогда нельзя было, я ведь инженером работал, это я теперь вот в подряснике...

Тут водитель впервые со вчерашнего вечера заговорил. Он сказал, что машина легкая и словно летит, а вот когда в Москву ехали с грузом досок, она была тяжелая и не летела... Доски эти, предназначенные для чьей-то дачи, выручили меня: я воспользовался оказией, чтобы захватить из Москвы книги и кое-какие вещи — все это тряслось теперь в кузове. А главное — лаврская братия снабдила меня алюминиевыми нательными крестиками: крестить приходилось до ста человек ежемесячно.

Отец Симеон тем временем начал что-то тихонечко напевать. Мы — свое, а он поет все громче, громче, и слышу я — это молебен преподобному Сергию Радонежскому. Присоединился, отслужили молебен. Без Евангелия, правда, потому что хоть и могли по памяти преподобническое прочесть, но в кабине не встанешь, а сидя, известное дело, неблагоговейно, а потому и непозволительно...

А старик дальше: тропари Никону, Михею и прочим Радонежским святым. Пел он так почти до Переславля-Залесского. Ненадолго притих, а в Переславле возобновился с другими угодниками Божиими. Пропели еще молебен святому благоверному князю Александру Невскому, который был крещен в этом славном селении. Дальше указатель: «До Ростова столько-то километров». Стали поминать Ростовских святых: «Святителю отче Димитрие, моли Бога о нас», «Святителю отче Арсение, моли Бога о нас»... Многих вспомнили. Поворот на Борисоглебское. Тут, понятное дело, помолились князьям-страстотерпцам и, конечно, преподобному Иринарху.

Засим — Ярославль с Ярославом Мудрым. Причем в эту пору почитание знаменитого князя еще не было восстановлено, однако отец Симеон сообщил, что Ярослав Мудрый в синодальный период по какой-то несправедливости из месящеслова выпал, но остался в Киевском патерике и в службе Торжества Православия, а потому непременно вернется в святцы. Через несколько лет именно так все и свершилось.

Вспомнили еще нескольких Ярославских святых, а потом пошло-поехало: то знак «река Обнора» — и все Обнорские, то «река Нурма» — и Нуромские, а заодно Комельские, Спасо-Каменные, Сянжемские... На всякий дорожный указатель у отца Симеона тропари, кондаки, величания, молитвы, а иной раз и молебны. Вологду прошли в песнопениях непрерывных и полногласных и завершили славлением преподобного Димитрия Прилуцкого.

Потом был небольшой перерыв. Водитель прошептал: «Ну, вы даете», — и более не вымолвил ни слова. Недолго мы ехали в тишине: у поворота на Тотьму начали вспоминать Тотемских святых и вспоминали, пока

город не остался далеко позади. У села Маркуша спели преподобному Агапиту и наконец затихли. Я сказал, что следующим будет Христа ради юродивый Прокопий Устьянский, но до реки Устья мы сегодня не доберемся.

А отец Симеон хотел помолиться еще Белоозерским, Кирилловским, Череповецким — целому сонму святых: «Потому что у нас, куда ни стань, везде свято место — земля такая».

Завернули в районный центр, и, пока я ходил в магазин за продуктами, старый монах успел в валеночках своих дойти до почты и позвонить монастырским братьям, «чтобы обозначиться». Ночевали у меня в деревне.

Недолго, однако, радовался я своему диковинному постояльцу: утром примчался батюшка из соседней епархии, забрал отца Симеона, и отправились они далее по святой земле страдающего Отечества.

А водитель грузовика, встречая меня, всякий раз таинственно повторял:

— Все-таки мы тогда как-то странно ехали — машина летела, словно даже не касалась асфальта.

Доктор философии

После службы — а дело происходило в Москве — отправился освящать квартиру. Пригласили две прихожанки. Незадолго до этого я же и крестил их: сорокалетнюю маму и тринадцатилетнюю дочку, и тогда еще они повели разговор об освящении своего жилища, страдающего от духов нечистых: по ночам кто-то там плакал, стонал, смеялся... А еще предупреждали меня, что бабушка у них — воинствующая безбожница, всю жизнь преподавала философию, профессор, доктор наук. Жили они втроем. Дед — партийный работник — давно умер, а отец девочки давно оставил семью.

Приехали мы к массивному тяжеловесному дому, из тех, что именуются *сталинскими*, поднялись в просторную квартиру, и я занялся своим делом. Причем, пока совершались соответствующие приготовления и читались молитвы, бабушки видно не было, лишь потом, когда я пошел кропить пятикомнатные хоромы, она обнаружилась в рабочем кресле хозяина: высунувшись из-за высокой

в голову, — если не помогут... придется ехать в Печоры... Да, — твердо заключил он, — тогда — в Печоры.

Прощаясь, он извинился за бедность и приглашал впредь заезжать к нему. Однако попадать в те края мне больше не приходилось.

Содержание

Усадьба	3
Заказник	6
Дорожные святцы	15
Доктор философии	21
Африканский брат	25
Дикий Запад	34
Освящение	38
Сила немощи	42
Указание	46
Овсяное печенье	50
Финал Шестой симфонии	58
Три главных счастья	61
Равелин	71
Ужин у архиерея	84
Печное дело	95
Строители	106
Крестины	113
Письма к лешему	119
Волки	123
Долг	128
Мусульманин	133
Соборование	136
Крест	145

Старшой	155
Переправа	165
Медведи	172
Учительницы	176
Елизавета	181
Уездный чудотворец	187
Персиянка	203
За тенью	207
Царственная	213
Новый ревизор	220
Бизон и Фуфунчик	226
Авария	230
Великая формула	232
Три рыбы от святителя Николая	238
Иеромонах Севастиан	244

*Духовно-просветительская
православная литература*

Протоиерей Ярослав Шипов

ИЗ ПРИХОДСКОЙ ЖИЗНИ

Заведующая редакцией *Т. Тарасова*

Редактор *М. Панфилова*

Дизайн обложки *А. Соловьев*

Технический редактор *З. Кондрашова*

Корректоры *Т. Горячева, Г. Абудеева*

Верстка *М. Алимшиев*

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

вышла в свет книга

Патриарх Московский и всея Руси
КИРИЛЛ

СЛОВО ПАСТЫРЯ

**Бог и человек. История спасения.
Беседы о православной вере**

(Формат 60×84/16)

Книга «Слово пастыря» составлена на основе видеозаписей цикла бесед, с которыми с 1994 по 1996 год выступал на телевидении Святейший Патриарх Кирилл, тогда митрополит Смоленский и Калининградский. «Слово пастыря» открывает современному читателю, чувствующему ответственность за судьбы Отечества и мира, верующему в торжество добра над злом и задумывающемуся о смысле человеческой жизни, реально

Подписано в печать 22.10.2018
Формат 60×84/32. Объем 8,0 печ. л.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Заказ №
Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
119435, Москва, ул. Погодинская, 18
Оптовый отдел реализации:
(499) 246-20-85, (499) 246-52-08
Магазин на ул. Погодинской: (499) 245-30-68
Магазин на ул. Бакунинской: (499) 246-25-35
E-mail: books@rop.ru; http://www.rop.ru

существующую связь времен, сопрягающую отстоящие от нас на тысячелетия события Священной истории с нашей повседневной жизнью и с нашим будущим. Книга адресуется не только тем, кто хочет ознакомиться с христианством и осмыслить его актуальность, но и тем, кто изучает основы Православия в средних и высших учебных заведениях, воскресных школах. Немало полезного для своей проповеднической деятельности могут извлечь из размышлений автора и священнослужители.